

A romantic couple in winter hats and scarves, about to kiss, with a small dog in the foreground.

Тишина между нами

Алексей Рудь

Алексей Рудь

Тишина между нами

«Автор»

2026

Рудь А. П.

Тишина между нами / А. П. Рудь — «Автор», 2026

Она помнит всё: где чья шапка, когда оплатить счета, какую оценку получил ребёнок и что нужно купить к ужину. Она — та, кто держит дом, сглаживает углы и улыбается, когда внутри пустота. Он — тот, кто решает проблемы действиями: зарабатывает, чинит, обеспечивает. Он уверен, что любит её. Она знает, что любит его. Но между ними выросла тишина. Они не враги. Они — два человека, которые говорят на разных языках. Она ждёт, что он заметит. Он ждёт, что она скажет. Она молчит, потому что боится быть обузой. Он не спрашивает, потому что считает, что уважает её силу. Это роман не о разводе. Это роман о том, как перестать исчезать рядом с тем, кого любишь. О том, как научиться просить о помощи и как услышать друг друга за привычными «всё нормально» и «я стараюсь». Однажды она скажет: «Я не хочу уйти от тебя. Я хочу перестать исчезать рядом с тобой». И это станет началом.

© Рудь А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Рудь

Тишина между нами

Глава 1

Пролог

Она стояла у окна и смотрела на снег.

За окном было тихо город засыпал под белым одеялом, и даже звуки машин, обычно раздражающие, казались приглушёнными, далёкими. Ей хотелось, чтобы так же тихо стало внутри неё. Чтобы можно было остановиться хотя бы на минуту и просто не чувствовать. Не думать. Не планировать. Не помнить, что нужно сделать завтра, послезавтра, через неделю.

Но она умела останавливаться только тогда, когда всё вокруг уже было в порядке. А в порядке не было никогда.

Мам, я не могу найти шапку!

Она выдохнула, поправила резинку на запястье и пошла в прихожую.

Второй ящик в комод, сказала она, даже не глядя. Синяя. Ты вчера положила её туда, когда пришла.

Девочка удивлённо посмотрела на неё.

Откуда ты знаешь?

Она улыбнулась коротко, механически.

Я помню.

Это была её работа. Помнить. Замечать. Чувствовать. Сглаживать углы. Заполнять пустоты. Быть тем, кто знает, где лежат шапки, чьи вещи в стирке, когда нужно позвонить бабушке и какую сумму перевести за коммунальные услуги, чтобы не было просрочек.

Она заварила чай, налила себе и села за стол. За окном продолжал идти снег.

В комнату вошёл муж.

Он не сказал «привет» или «как дела» он всегда был человеком дела, и его приветствием был сам факт его присутствия. Надёжный, собранный, даже в домашней одежде он выглядел так, будто вот вот пойдёт решать чей то важный вопрос.

Я завтра в командировку, сказал он, открывая холодильник. На два дня. Ты справишься?

Она сжала пальцы на кружке чуть крепче.

Конечно.

Хорошо.

Он закрыл холодильник и вышел из кухни. Чай остывал.

Она смотрела в окно и думала о том, что если бы сейчас кто то спросил её, чего она хочет, она бы не ответила. Не потому, что не знала. А потому, что привыкла, что вопрос «чего ты хочешь» всегда означал «что нужно сделать для других».

Она не помнила, когда в последний раз делала что то только для себя.

Она посмотрела на телефон уведомления о платежах, напоминания о враче, сообщение от подруги, которая жаловалась на мужа. Всегда кто то жаловался. Всегда нужно было слушать.

«Если я перестану быть полезной, останется ли кто то рядом со мной?» промелькнуло в голове. Она отогнала мысль. Не время. Никогда не было времени для таких мыслей.

Она допила холодный чай и пошла проверять, сделали ли дети уроки.

На кухне остался свет. Единственный, который она забыла выключить.

Глава 1

День первый. Двадцать третье января

Она проснулась в пять утра, потому что так было надо.

Подъём, завтрак, сборы детей. Муж уехал вчера вечером, так что утренняя суэта легла на неё целиком, хотя она привыкла, что всегда так даже когда он был дома, её роль была ролью организатора, координатора, человека, который всё помнит.

Она стояла у плиты и жарила яичницу, когда в кухню вбежала дочь. У неё был один ботинок на ноге, второй она держала в руках.

Мам, помоги!

Она наклонилась, не выключая плиту, и завязала шнурки. Профессионально. Быстро. Без единого лишнего движения. Она могла бы делать это с закрытыми глазами.

Сегодня контрольная? спросила она.

Да, по математике.

Ты готова?

Конечно.

Дочь улыбнулась уверенной, спокойной улыбкой. И в этой улыбке было столько её, материнской, что на секунду женщине стало грустно. Она смотрела на себя в своей дочери такую же собранную, такую же сильную.

«Я передала ей это», подумала она. «Умение не показывать, как страшно».

Она хотела сказать что то тёплое, но вместо этого просто кивнула:

Молодец. Иди, поешь.

Дочь убежала.

Она стояла у плиты и смотрела, как яичница подрумянивается по краям. Вкусный, живой запах масла смешивался с утренней прохладой, но она почти не чувствовала его.

Всё было на автомате.

Она проводила детей до школы, зашла в магазин за хлебом и молоком. Домой вернулась к десяти, когда в доме стало тихо. Так тихо, что она слышала, как тикают часы в гостиной.

Она села на кухонный стул и уставилась в стену.

«Сделала всё», подумала она. «Что дальше?»

И не нашла ответа.

В час дня раздался звонок. Муж.

Как ты?

Нормально, ответила она. Дети в школе, я дома.

У меня встреча в три. Думаю, завтра вернусь к вечеру. Справишься?

Она почувствовала, как внутри поднимается что то что то, похожее на раздражение. Или усталость. Или просто желание сказать: «Нет, не справлюсь. Приезжай сейчас. Я устала. Я хочу, чтобы кто то был рядом».

Но она сказала:

Конечно.

Хорошо, ответил он. Ты у меня молодец.

Он отключился. Три слова. «Ты у меня молодец». Они повисли в воздухе, как пустые, как ненужные.

Она положила телефон на стол и посмотрела на свои руки.

Сухие. Красные от воды. С морщинками, которые появлялись незаметно, пока она мыла посуду, убирала, стирала.

Она вдруг отчётливо поняла, что если бы она исчезла сейчас, все бы заметили только то, что некому делать дела. Никто бы не сказал: «Мне не хватает её». Сказали бы: «Чёрт, кто теперь будет готовить?», «Где моя шапка?», «А кто оплатит счета?».

Она была функцией. Хорошей, надёжной, незаменимой функцией.

Она встала из за стола и пошла в ванную. Посмотрела в зеркало.

«Я красивая», подумала она без всякой гордости. «Но я не вижу себя. Я вижу усталую женщину, которая слишком долго держится».

Она умылась холодной водой.

Вечером она сидела на диване с чашкой чая. Дети уже спали. В доме было тихо только гул холодильника и редкий звук проезжающей за окном машины.

Она взяла телефон, открыла чат с мужем. Напечатала:

«Мне плохо».

Потом стёрла.

«Я устала».

Снова стёрла.

«Ты можешь просто побыть со мной?»

Подумала: «А зачем? Он в другом городе. Он не может. А даже если бы мог что бы он сказал?»

Она вспомнила его лицо. Как он смотрел на неё, когда она плакала в прошлый раз. Он не знал, что делать. Он обнимал её, но в его объятиях было больше растерянности, чем тепла.

«Я всё решу», сказал он тогда. А ей нужно было совсем другое.

Она не злилась на него. Она знала: он любит. Просто по своему.

Но иногда ей хотелось, чтобы он научился любить так, как она понимала.

Она закрыла чат, не отправив ни одного сообщения.

Перед сном она подошла к окну. Снег всё падал. Город спал, укрытый белым, чистым, молчаливым покрывалом.

«Я тоже хочу молчать», подумала она. «Но так, чтобы рядом кто то был. Чтобы я не была одна в этой тишине».

Она легла в кровать.

Уснула она не сразу. В голове крутились списки: купить хлеб, оплатить кружки, заказать подарок на день рождения коллеги. Бесконечный список дел, который она вела в голове, потому что никто больше не ведёт.

Она заснула в половине двенадцатого. Проснулась в пять утра, потому что так было надо.

На следующий день она заметила, что молоко в холодильнике закончилось. И хлеба не было. И зарядка на телефоне дочери сломалась.

Она записывала всё в список в приложении на телефоне, и список рос, как снежный ком.

«Я больше не могу», пронеслось в голове, когда она вытирала пол в коридоре.

Но она вытерла. Пол стал чистым. Никто не заметил.

В три часа дня раздался звонок в дверь. Она открыла на пороге стоял муж с небольшим чемоданом в руке. Уставший, но довольный.

Вернулся раньше, сказал он. Дела закончились быстро.

Она улыбнулась, как умела той самой дежурной улыбкой, которая прятала всё.

Проходи, я как раз чайник поставила.

Он вошёл, скинул ботинки и обнял её. Обычно она плавилась в этих объятиях. Сегодня нет. Она чувствовала его руки, но не чувствовала себя.

«Ты рядом, подумала она. Но меня здесь нет».

Она ушла на кухню заваривать чай, оставив его в прихожей.

И когда она стояла, глядя на закипающую воду, к ней подошёл он. Положил руку на плечо.

Ты как? спросил он. Всё нормально?

Она хотела сказать «нет».

Она хотела повернуться и сказать: «Мне плохо, я устала, я больше не могу быть сильной, побудь со мной, просто обними меня и не говори ничего, просто будь».

Но она сказала:

Всё хорошо. Не переживай.

Он кивнул, улыбнулся и пошёл в гостиную. Включил телевизор.

А она осталась стоять у плиты, глядя на пузырьки в кипящей воде.

«Однажды я исчезну, подумала она. И все скажут: какая молодец, всё успевала».

Чайник засвистел.

Она выключила его и понесла чашки в гостиную.

Продолжение следует...

Глава 2

Она проснулась от того, что кто-то дышал ей в затылок.

Муж лежал рядом, ещё спал, и его дыхание было ровным, спокойным. Она не шевелилась, боясь разбудить его, и смотрела в стену. За окном начинался серый февральский день. Снег перестал идти, но небо висело тяжёлое, как мокрое одеяло.

Она осторожно выскользнула из кровати, надела халат и пошла на кухню.

Включила кофеварку. Достала хлеб. Нарезала сыр. Всё это она делала без мыслей тело работало само, как хорошо отлаженный механизм. Только когда кофе закапал в чашку, она остановилась и прислушалась к себе.

Ничего.

Внутри было пусто, как в комнате, из которой вынесли мебель.

Она взяла чашку и села за стол.

В комнату вошёл муж. Он был в футболке и спортивных штанах, волосы взлохмачены дома он выглядел моложе и мягче. Он подошёл к ней, поцеловал в макушку.

Доброе утро.

Доброе, ответила она.

Что у нас на завтрак?

Яичница или каша. Выбирай.

Он заглянул в холодильник.

Яичница, сказал он. С беконом. Я сегодня никуда не спешу.

Она улыбнулась той самой улыбкой, которая была её маской.

Хорошо.

Она встала и пошла к плите. Он сел за стол и взял телефон просматривал новости, пока она жарила яйца. Она слышала, как он иногда фыркает, комментируя про себя какие-то заголовки.

«Мы даже не разговариваем за завтраком», подумала она. «Мы просто сосуществуем».

Она поставила перед ним тарелку.

Спасибо, сказал он, не отрываясь от телефона.

Она села напротив, взяла свою чашку. Смотрела, как он ест. Он делал это быстро, как всегда, будто торопился даже в выходной.

Саша, сказала она вдруг.

Он поднял голову.

Мм?

Давай сегодня никуда не пойдём. Просто побудем дома. Вместе.

Он улыбнулся.

Так и планировал. Я думал, вечером можем фильм посмотреть. Или я могу что-то починить у тебя там шкафчик в ванной скрипит.

Она сжала пальцы на кружке.

Я не о том. Я хочу... просто побыть. Поговорить.

Он поморщился, но не зло скорее удивлённо.

О чём поговорить? У нас всё нормально. Дети здоровы, деньги есть, я дома. Что не так?

Она хотела сказать: «Всё не так. Я не чувствую себя живой. Я чувствую себя роботом, который выполняет функции. Я хочу, чтобы ты увидел меня не как мать твоих детей или хозяйку дома, а как меня. Человека, которому страшно и одиноко».

Вместо этого она сказала:

Ничего. Просто иногда хочется поговорить.

Он взял её руку и сжал.

Я люблю тебя, сказал он. Ты же знаешь. Если тебе что-то нужно просто скажи.

Она кивнула. И убрала руку.

День тянулся медленно.

Дети ушли гулять с друзьями, они остались вдвоём. Он включил телевизор, она села рядом на диван, но смотрела не на экран, а в окно. Снег снова пошёл крупный, мокрый, он лип к стеклу и медленно таял.

«Скажи ему», твердил внутренний голос. «Скажи, что ты устала. Скажи, что хочешь, чтобы он просто обнял тебя и ничего не говорил. Скажи, что ты боишься исчезнуть».

Она повернула голову и посмотрела на мужа. Он смотрел фильм, его лицо было сосредоточенным, но расслабленным. Он был дома, он был с ней, он был уверен, что всё хорошо.

Она открыла рот.

Саша.

Он перевёл взгляд на неё.

Я хочу тебе кое-что сказать.

Он выключил телевизор. Повернулся к ней всем корпусом. В его взгляде мелькнуло что-то настороженность? Ожидание? Она не могла разобрать.

Говори, сказал он.

Она почувствовала, как слова застревают в горле. Страх «если я скажу, он подумает, что я слабая, что я не справляюсь, что я обуза» перекрыл всё.

Я... начала она и запнулась.

Он ждал.

«Скажи это. Просто скажи: Мне плохо.»

Она сглотнула.

Я хочу, чтобы мы съездили куда-нибудь весной. Вдвоём. Без детей. Просто на пару дней.

Он улыбнулся облегчённо.

Конечно. Я уже думал об этом. Может, в горы? Или на море? Я всё организую, не переживай.

Она кивнула.

Хорошо.

Он снова включил телевизор.

Она отвернулась к окну и почувствовала, как внутри опускается что-то тяжёлое, как камень.

«Я не смогла», подумала она. «Я опять не смогла».

Вечером она мыла посуду, когда он подошёл сзади и обнял её за талию.

Ты сегодня какая-то задумчивая, сказал он. Всё в порядке?

Она замерла. Вода текла из крана, пар поднимался над раковиной.

Да, сказала она. Всё в порядке.

Он поцеловал её в плечо и отпустил.

Я пойду проверю уроки у младшего, сказал он и вышел из кухни.

Она осталась одна. Стояла у раковины, смотрела на мыльную пену, и вдруг, без всякой причины, слёзы хлынули из глаз. Тихо, беззвучно. Она плакала, но не издавала ни звука призыва не шуметь.

«Почему я не могу сказать? думала она. Почему я боюсь?»

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони, взяла посуду и продолжила мыть.

«Я ещё не готова, решила она. Когда-нибудь потом».

Но она знала, что «потом» не наступит. Потому что всегда есть «потом», а «сейчас» всегда занято другими.

Она закончила мыть посуду, вытерла руки и пошла в гостиную. Там уже горел свет, дети сидели за уроками, муж читал книгу.

Она села в кресло и взяла свою книгу, но не открыла её. Она смотрела на них всех таких родных и таких далёких.

«Я здесь, подумала она. Но меня здесь нет».

Глава 3

Следующие три дня прошли как один.

Она просыпалась, кормила, провожала, работала (она работала удалённо, вела бухгалтерию небольшой фирмы), забирала, кормила, укладывала.

Муж уезжал на работу, возвращался, ужинал, смотрел новости. Иногда они обменивались фразами о детях или о планах на выходные. Иногда он говорил «люблю», и она отвечала «и я».

Но между словами была пропасть.

В четверг вечером она сидела в ванной. Вода была горячей, почти обжигающей, но она почти не чувствовала тепла. Она смотрела на свои руки они дрожали. Мелкая, едва заметная дрожь, которую она замечала только когда оставалась одна.

«Я заболела?» подумала она.

Но она знала: это не болезнь. Это усталость. Усталость, которая накопилась за годы. Она прятала её так долго, что та превратилась в эту дрожь.

Она вылезла из ванны и пошла в спальню. Муж уже лежал в кровати, читал что-то в телефоне.

Ты долго, сказал он, не поднимая головы.

Устала, ответила она.

Он отложил телефон.

Ложись. Завтра новый день.

Она легла и повернулась на бок, спиной к нему. Он обнял её, прижался теплой грудью к её спине.

Ты вся холодная, сказал он. Замёрзла?

Немного.

Он прижался крепче.

Она закрыла глаза. В темноте она чувствовала его дыхание на своей шее, его руку на своём животе. Она знала, что он любит её. И это знание делало ей больно, потому что она не могла ответить тем же языком.

«Я тоже люблю тебя, мысленно сказала она. Но я теряю себя. И ты не видишь этого. Или не хочешь видеть».

Она уснула не скоро. А когда проснулась ночью ему было три часа, она почувствовала, что он не спит. Он лежал на спине и смотрел в потолок.

Саша? прошептала она.

Я не сплю, ответил он. Думаю о работе.

Что-то случилось?

Нет. Просто завал.

Она помолчала.

Саш, сказала она. Мне кажется, мы отдалились друг от друга.

Он повернул голову и посмотрел на неё. В темноте его глаз не было видно, но голос прозвучал настороженно.

В смысле?

Мы почти не говорим. Я не знаю, что у тебя в голове. И ты не знаешь, что у меня.

Он сел на кровати.

Ты хочешь поговорить сейчас? В три ночи?

А когда? спросила она. Днём ты занят. Вечером ты смотришь новости. Выходные дела, дети, поездки. У нас нет времени.

Он помолчал.

Хорошо, сказал он. Давай поговорим. Что не так?

Она села рядом.

«Скажи это. Сейчас. Не откладывай».

Я устала, сказала она. Очень устала. Я чувствую себя не женой, не человеком, а... функцией. Я делаю всё, но меня никто не видит.

Он нахмурился.

Я вижу. Я ценю тебя. Разве я не говорю тебе спасибо?

Ты говоришь. Но это не то.

А что нужно? его голос стал чуть выше. Я стараюсь, работаю, обеспечиваю нас. Я не пью, не гуляю. Я с вами. Что ещё?

Она почувствовала, как внутри закипает что-то. Что-то, что она сдерживала годами.

Мне не нужны твои деньги, Саша. Мне не нужны твои решения проблем. Мне нужно, чтобы ты иногда просто был рядом. Чтобы ты спросил, как я. Чтобы ты заметил, что я вчера плакала на кухне, пока мыла посуду. А ты сидел в гостиной и смотрел телевизор!

Он замолчал.

Ты плакала? тихо спросил он.

Да. И ты не заметил.

Он опустил голову.

Я не знал, сказал он.

А ты и не спрашивал.

Повисла тишина. Тяжёлая, как мокрый снег.

Я думал, у нас всё хорошо, наконец сказал он. Я думал, я даю тебе всё, что нужно.

Ты даёшь, сказала она. Но не то, что мне нужно.

Он поднял голову.

А что тебе нужно?

Она посмотрела ему в глаза. Даже в темноте она видела его растерянность.

Мне нужно, чтобы ты научился быть рядом. Не решать, не чинить, не обеспечивать, а просто быть. Слушать, когда я говорю. Обнимать, когда я плачу. Не говорить «всё будет хорошо», а просто сказать «я с тобой».

Он молчал долго.

Потом сказал:

Я не умею так.

Я знаю, ответила она. Но я хочу, чтобы мы учились. Вместе.

Он вздохнул тяжело, глубоко.

Хорошо, сказал он. Я попробую.

Она положила голову ему на плечо. Он обнял её.

В этой тишине, в три часа ночи, впервые за долгое время она почувствовала что-то похожее на надежду.

Спасибо, прошептала она.

Он ничего не ответил, но его рука погладила её плечо. И этого было достаточно.

Глава 4

Утро после

Она проснулась от света.

Он пробивался сквозь щель в шторах тонкий, золотистый, февральский. Такой свет бывает только в конце зимы, когда солнце уже не просто светит, а обещает. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Внутри было тихо не та тягучая, больная пустота последних недель, а что-то другое. Настороженное. Осторожное. Как будто после ночного разговора в доме поселился гость, который ещё не решил, останется ли.

Рядом никого не было. Простыня остыла.

Она села и посмотрела на дверь. Оттуда доносился запах жжёный сахар и масло. Муж готовил завтрак. Это было так неожиданно, что она замерла на мгновение, потом улыбнулась непроизвольно, первой искренней улыбкой за долгие дни.

Она надела халат, не завязала пояс, вышла в коридор и остановилась у входа на кухню.

Саша стоял у плиты в своей старой футболке, с лопаткой в одной руке и телефоном в другой он сверялся с рецептом, судя по всему, потому что на экране горела какая-то картинка. Рядом на столе стояли две чашки, тарелки, вазочка с джемом. И цветы. Полевые ромашки в старом глиняном кувшине она купила этот кувшин лет пять назад на ярмарке, и он всегда стоял в шкафу, потому что был «слишком простым для гостей».

Саша, сказала она.

Он обернулся. Его лицо было сосредоточенным и чуть растерянным.

Я хотел сделать сюрприз, сказал он. Блинчики. По рецепту, который ты любишь. С твоим. И ещё... он кивнул на цветы. Я сбегал в магазин, пока ты спала. Они не очень, но я вспомнил, что ты любишь ромашки.

Она подошла ближе, взяла цветы в руки. Они пахли травой, холодом и чем-то далёким летом, лугом, свободой. Её пальцы коснулись лепестков.

Спасибо, сказала она тихо.

Он улыбнулся широко, почти по-мальчишески, и она увидела в этой улыбке того человека, за которого выходила замуж. Не мужчину с идеально отточенными решениями и стальными плечами, а того, кто мог быть неловким, кто иногда запинался в словах, но всегда хотел сделать ей приятно.

Она поставила цветы обратно в кувшин и села за стол.

Блинчики были пережаренными с одной стороны и сыроватыми с другой. Творог оказался слишком кислым. Но она ела и улыбалась, потому что он стоял напротив, смотрел на неё с надеждой и ждал оценки.

Вкусно, сказала она. Правда.

Я ещё учусь, сказал он и засмеялся. Но в смехе этом была гордость, что он попробовал.

Они пили кофе, и он включил радио тихую джазовую станцию, которую она любила, но которую он обычно выключал, потому что «не хватает времени на расслабление». Сегодня он не выключил. Он просто сидел и смотрел в окно, иногда переводил взгляд на неё, и она чувствовала его внимание невесомое, как прикосновение ветра, но настоящее.

«Он старается, подумала она. Он правда старается».

И в этом старании было что-то трогательное и одновременно печальное. Потому что она знала: одного завтрака и цветов мало. Нужно было больше. Но как сказать ему об этом, не разрушив его попытку?

Она решила не говорить. Пока.

После завтрака они оделись и пошли гулять. Снег начал таять по краям дорог уже текли ручьи, и воздух пах сыростью, влажной землёй и предчувствием весны. Они шли медленно,

почти без слов, но расстояние между ними стало чуть меньше. Она держала его под руку, он периодически сжимал её ладонь своей просто так, молча.

Они дошли до парка. Деревья стояли голые, но на их ветвях уже набухали почки маленькие, бурые, упругие. Она остановилась у старого дуба и провела рукой по коре.

Помнишь, мы здесь гуляли, когда только встретились? сказала она. Здесь был ларёк с мороженым, и ты купил мне фисташковое, хотя я просила шоколадное.

Он улыбнулся.

Я перепутал. Ты тогда обиделась.

Нет, сказала она. Я не обиделась. Я просто поняла, что ты не слушаешь меня. Ты решил за меня, что фисташковое лучше. Потому что сам любишь фисташковое.

Он задумался.

Я не думал... Я просто хотел, чтобы тебе понравилось.

Знаю, сказала она. И тогда мне это казалось милым. Ты хотел как лучше. Просто... привычка решать за меня осталась. А фисташковое мороженое я так и не полюбила.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

Я запомню, сказал он. Шоколадное.

Она засмеялась легко, почти беззаботно.

Надеюсь.

Они прошли дальше, к пруду. Лёд на нём уже почернел, стал тонким и трещиноватым, кое-где проступала тёмная вода. Утки сидели на снегу серые, нахохленные, они тоже ждали весны. Одна из них подошла ближе, надеясь на угощение.

Ничего нет, сказала она, разведя руками. Прости.

Утка обиженно крякнула и отошла.

Они постояли на мостике. Ветер дул с реки, холодный и резкий, и она зябко повела плечами. Он снял куртку и накинул ей на плечи.

Не замёрзни, сказал он.

А ты?

Я привык.

«Он опять привык», подумала она. «Привык заботиться через действия. Но хотя бы он рядом».

Она чувствовала тепло его куртки она хранила его запах, запах дома, стирального порошка и его кожи. Она вдохнула этот запах и закрыла глаза.

Всё вокруг было хрупким. Лёд, утки, их молчание, её надежда. Всё могло треснуть в любой момент.

Саша, сказала она, не открывая глаз.

Мм?

Я хочу, чтобы мы не только гуляли. Я хочу, чтобы мы разговаривали. О чём угодно. О том, что ты чувствуешь. О том, что видишь. Я хочу слышать твой голос не только когда ты говоришь о делах.

Он помолчал. Она слышала его дыхание ровное, глубокое.

Я не знаю, что говорить, сказал он наконец. У меня в голове всегда что-то практическое. Планы, задачи. Иногда я завидую тебе ты можешь просто... чувствовать. Я не умею.

Она открыла глаза и посмотрела на него.

Можно учиться.

А если не получится?

Тогда будем пробовать снова.

Он взял её за руку. Их пальцы переплелись.

Я боюсь тебя разочаровать, признался он тихо.

Ты уже разочаровал меня, ответила она. Но я всё ещё здесь. Значит, мы не закончили.

Он улыбнулся криво, смущённо, и она вдруг поняла, что он тоже устал. Устал быть сильным, устал быть решателем, устал быть тем, кто никогда не ошибается. Он просто носил свою маску лучше неё.

Они стояли на мостике, держась за руки, и смотрели на тающий лёд. Снег падал с веток крупные хлопья, которые ветер сдувал в воду. Они кружились, падали на тёмную поверхность, и таяли.

«Как мы, подумала она. Мы тоже таем. Но мы ещё не исчезли».

Домой они вернулись мокрыми и покрасневшими от холода. Дети уже пришли из школы их встретил запах борща, который она поставила вариться утром, когда он ещё спал. Младший сидел за столом и ковырял ложкой в супе, старшая что-то рисовала в своей комнате.

Мам, крикнула старшая из комнаты. Можно я с подругой в кино пойду?

В какое кино?

«Ледяное сердце».

Во сколько?

В шесть.

Если сделаешь уроки иди.

Сделаю!

Она улыбнулась и посмотрела на мужа. Он стоял у входа, снимал шапку, и его волосы были влажными и взлохмаченными. Он выглядел уставшим, но довольным.

Хочешь чаю? спросила она.

Хочу, сказал он. Только погрей мне носки. Я замёрз.

Она засмеялась. В этом «погрей носки» было столько нежности, столько детской доверчивости, что ей захотелось обнять его и не отпускать.

Она подошла, обняла, уткнулась носом в его шею.

Спасибо, сказала она.

За что?

За то, что сегодня ты был со мной.

Он обнял её в ответ. Его руки были сильными, но не настойчивыми он просто держал её, как будто она была ценной и хрупкой.

Я буду стараться, сказал он.

Я знаю.

Вечером они сидели на диване. Дети уже легли, телевизор был выключен. Она пила чай, он перелистывал книгу, но не читал просто держал её в руках, как оправдание для молчания. Но это молчание было другим: не тяжёлым, не давящим. Оно было уютным, как тёплое одеяло.

Она положила голову ему на плечо.

Расскажи мне о чём-нибудь, сказала она. Не о работе. О том, что ты чувствовал сегодня.

Он задумался.

Когда я смотрел на тебя у пруда... я почувствовал что-то странное. Как будто я увидел тебя впервые за много лет. Ты была красивой. Не просто красивой, а... настоящей. Я подумал, что я почти забыл эту картинку.

Она прикрыла глаза. Его слова были неуклюжими, но честными.

А я смотрела на тебя, сказала она. И видела, как ты стараешься. Как ты купил цветы, хотя обычно покупаешь только по праздникам. Как ты смотрел рецепт. Как ты замёрз и отдал мне куртку. Я видела тебя настоящего.

Он сжал её руку.

Прости, что я не умею красиво говорить.

Мне не нужно красиво, сказала она. Мне нужно честно.

Они замолчали. За окном шумел ветер последние февральские порывы, которые сдували зиму, освобождая место весне. Где-то вдалеке гудела машина, и этот звук казался далёким, как из другой жизни.

Она закрыла глаза и почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Ещё слабое, ещё робкое, но живое.

Она всё ещё была здесь. И он был рядом.

«Может быть, подумала она, всё не так безнадёжно. Может быть, мы просто забыли, как слышать друг друга. Но мы можем вспомнить».

Она повернула голову и поцеловала его в щёку. Он улыбнулся той самой мягкой, счастливой улыбкой, которую она так любила.

Спокойной ночи, сказала она.

Спокойной ночи, ответил он.

Она выключила свет.

В темноте она лежала и слушала его дыхание ровное, мерное. И в этом дыхании ей слышалось обещание. Обещание, что завтра будет новый день. И они попробуют снова.

Она уснула, и впервые за долгие недели её сон был глубоким и без сновидений.

Глава 5

Понедельник, который не задался

Утро началось с того, что Саша не услышал будильник.

Она проснулась в половине седьмого, когда за окном было ещё темно, и поняла, что он лежит на спине, разметавшись, и даже не шевелится. Она потрясла его за плечо:

Саш, вставай. Ты проспал.

Он открыл глаза, секунду смотрел на неё непонимающе, потом резко сел, выругался сквозь зубы и вскочил с кровати.

Чёрт, я должен быть на совещании через час.

Он начал метаться по комнате искал рубашку, галстук, носки. Она сидела на кровати, смотрела, как он суетится, и внутри неё зашевелилось что-то знакомое ощущение, что она сейчас снова станет тем, кто всё организует, найдёт, подскажет.

Рубашка висит на двери шкафа, сказала она ровным голосом. Носки в верхнем ящике. Кофе я заварю, пока ты умываешься.

Он остановился, перевёл на неё благодарный взгляд.

Спасибо. Ты меня спасаешь.

Она улыбнулась механически, привычно и пошла на кухню.

Пока она заваривала кофе, дети уже проснулись младший хныкал в коридоре, старшая искала тетрадь по алгебре. Она разрывалась между плитой, холодильником и прихожей, и за десять минут успела накормить всех, собрать портфели, проверить, взяли ли дети сменку.

Когда Саша выбежал из дома, поцеловав её на бегу в щёку, она стояла посреди кухни с чашкой кофе в руке и смотрела на остывший завтрак. Её завтрак. Он так и остался лежать на тарелке нетронутый.

«Два дня, подумала она. Два дня он старался. И сегодня всё вернулось на круги своя».

Она взяла телефон, хотела написать ему: «Саш, я не успела позавтракать, ты даже не спросил, ела ли я». Но она не отправила. Сотрёт. Они же только начали налаживать отношения, не хотелось снова начинать с претензий.

Она выпила кофе стоя, убрала посуду и села за работу.

Днём ей позвонила подруга Лена.

Привет, как ты? спросила Лена своим бодрым, чуть хрипловатым голосом. Она была единственной, кто звонил просто так, без причины.

Нормально, ответила она.

Не ври. Я тебя знаю. По голосу слышу.

Она улыбнулась впервые за день.

Правда, всё хорошо. Мы... вчера гуляли. Саша купил цветы. Блинчики жарил.

Блинчики? Саша? Лена засмеялась. Это что-то новенькое. Он что, решил стать идеальным мужем?

Он старается, сказала она осторожно. Я ему сказала, что мне плохо. Что я устала быть невидимой.

В трубке повисла пауза. Лена была не из тех, кто лезет с советами, но она умела слушать.

И что он ответил?

Сказал, что попробует по-другому.

А ты ему объяснила, как именно «по-другому»?

Она задумалась.

Я сказала, что мне нужно, чтобы он был рядом. Слушал. Не решал всё за меня.

Это слишком общее, сказала Лена. Ты же знаешь этих мужчин. Им нужны инструкции. Не «будь рядом», а «обними меня, когда я плачу», «спроси, что я чувствую», «принеси мне чай без вопросов». Они не телепаты.

Я думала, он сам догадается.

А чего ты ждёшь? Он же не психолог. Он инженер. Он привык к чётким задачам.

Она замолчала, обдумывая слова подруги.

Может быть, ты права, сказала она наконец. Но я не хочу быть его менеджером. Я хочу, чтобы он сам хотел меня понять.

А он хочет, возразила Лена. Ты сама сказала он старается. Но стараться по-своему не значит делать правильно. Ты хочешь, чтобы он вдруг стал чувствительным, как ты? Не будет. Но он может научиться спрашивать. Если ты скажешь, о чём спрашивать.

Она вздохнула.

Я попробую.

Попробуй, сказала Лена. И ещё. Ты не забывай про себя. Ты тоже человек. Не только мать и жена. Ты это ты.

Она услышала это «ты это ты» и почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Слёзы, снова слёзы. Она сдержала их.

Спасибо, Лен. Ты вовремя.

Всегда, ответила подруга. Звони, если что. Я не сплю ночью.

Она отключилась и посмотрела в окно. Солнце уже клонилось к закату, и лёгкий розовый свет падал на снег, делая его розовым, как сахарная вата.

«Ты это ты», повторила она про себя. «А кто я?»

Вечером Саша пришёл домой поздно. В половине девятого, когда дети уже сидели за уроками, а она заканчивала уборку. Он вошёл уставший, с папкой под мышкой, и, не раздеваясь, прошёл на кухню, где она мыла посуду.

Извини, сказал он. Завал. Я не мог уйти.

Ничего, ответила она, не оборачиваясь. Я понимаю.

Он подошёл и положил руки ей на плечи. Она почувствовала, как его пальцы сжались чуть сильнее обычного.

Ты устала, сказал он.

Немного.

Посиди. Я сам домою.

Она повернулась и посмотрела на него с удивлением.

Ты?

Я. Иди, отдохни.

Она хотела сказать «не надо, я лучше сама», как делала всегда, но остановила себя. «Позволь ему, сказала она себе. Это его способ заботиться».

Хорошо, сказала она и вытерла руки.

Она прошла в гостиную, села на диван и взяла книгу. Через пять минут она услышала звон посуды он что-то уронил, выругался сквозь зубы. Она улыбнулась.

Через десять минут он пришёл с чашкой чая в руках.

Твой, сказал он, ставя чашку перед ней. С мёдом. Как ты любишь.

Она взяла чашку. Он стоял рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на неё с ожиданием.

Спасибо, сказала она. Садись.

Он сел рядом.

Я думал о том, что ты сказала, начал он, чуть замялся. Что я не замечаю. Что я не спрашиваю. И сегодня, когда я ехал в метро, я увидел женщину, которая сидела и плакала. И я

подумал: «А если бы это была ты, я бы заметил?» И я понял, что, наверное, нет. Я бы проехал мимо, подумал «дела» и забыл.

Она слушала, не перебивая. Это было самое длинное, что он сказал о чувствах за последние годы.

Я не хочу быть таким, сказал он. Я не знаю, как это исправить. Но я хочу научиться.

Она отставила чашку и взяла его за руку.

Ты уже учишься, сказала она. Ты помыл посуду. Ты принёс мне чай. Ты говоришь мне это. Это много.

Он улыбнулся с облегчением.

Правда?

Правда. Но я хочу попросить тебя об одной вещи.

О чём угодно.

Когда я говорю «я устала», не предлагай мне решений. Не говори «отдохни» или «я всё сделаю». Просто скажи «я понимаю». И обними меня. Это всё.

Он кивнул серьёзно, почти торжественно.

Я запомнил.

Она легла ему на плечо, и они сидели в тишине. За окном начал падать снег снова, уже почти мартовский, липкий и влажный. Он падал на подоконник, таял и оставлял мокрые следы.

«Как наши разговоры, подумала она. Они приходят и тают. Но следы остаются».

Ночью она проснулась от того, что он ворочался. Он не спал, смотрел в потолок.

Саш, позвала она шёпотом. Что случилось?

Он повернулся к ней.

Я не могу уснуть. Думаю о том, что я чуть не потерял тебя. И даже не заметил.

Она молчала, потому что не знала, что сказать. Это было правдой он чуть не потерял её. И она сама чуть не потеряла себя.

Но я здесь, ответила она наконец. И ты здесь. Значит, мы не потеряли друг друга.

Он повернулся на бок и обнял её так, как она просила. Просто обнял, ничего не говоря.

Она закрыла глаза и почувствовала, как его руки, сильные и тёплые, держат её. Не решая проблему. Не предлагая решений. Просто держат.

И в этом прикосновении было больше любви, чем в любых словах.

Она уснула.

А он не спал до утра смотрел на неё и думал о том, как много лет проходил мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.